

ВАДИМ АНДРЕЕВ

ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ

С Т И Х И

1940-1950 г.г.

Р И Ф М А

ПАРИЖ

1950

ВАДИМ АНДРЕЕВ

ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ

С Т И Х И

1940-1950 г.г.

Р И Ф М А

ПАРИЖ

1950

Войною вытоптаный лес,
Обшарпанный, измятый, бедный,
И вечеряющих небес
Над пригородом отблеск медный,

И сквозь деревья фонарей
Пустое, мертвое сиянье, —
Но стала жизнь еще нежней,
Еще прекраснее свиданье.

Мир изнемог и мир устал.
Голодный вой ночной сирены
Не даром стужею сжимал
Сердца и городские стены,

Не даром спорили в ночи
И в грохоте бомбардировок
Упрямы, злы и горячи
Сухие голоса винтовок —

В ладони теплая хвоя,
Сухая горсть земного праха —
О, бедная земля моя,
Исполосованная страхом!

Изнеможенные поля,
Дома, зачеркнутые боем:
Ведь если ты умрешь, земля,
Мы новой больше не построим.

1945 г.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

1

Нет, не мы набросали чертеж
Нашей злой и прекрасной планеты.
Ты напрасно судьбу не тревожь:
От немой не дожидаться ответа.

Крепче наших разрозненных волей
Разрушения черная воля.
Только в мире и есть — это боль,
Вечный сплав и желанья и боли.

Но пока в нас дыхание есть
Мы не смеем уйти из природы.
Наша жизнь — и страданье, и честь,
И сиянье, и горечь свободы.

2

Видишь, медленно вечер идет
И клюкою стучит по дороге,
И приникший к земле небосвод
Человеческой полон тревоги.

Под ногами шуршащей листвы
Темнорыжие, сонные волны.
В тусклой луже кусок синевы
Умирает, отчаянья полный.

Это осень — твоя и моя, —
Это осень всей нашей планеты.
Дай мне руку, Россия моя, —
Как далеко еще до рассвета!

3

Через эти поля и леса,
Там, где ты за меня умирала,
Где, как рожь шелестят голоса
Тех, кого ты навек потеряла,

Сквозь осеннюю стужу и вой
По земле разметавшейся бури
Только-б мне донести голубой,
Теплый отблеск неявной лазури.

Догорают пожары войны,
Исчезает пространство разлуки.
Дай мне руку, — о как холодны
Утомленные, нежные руки.

1945 г.

Владимиру Антоненко, русскому партизану, расстрелянному немцами 31 апреля 1945 г. на острове Олероне.

Над дюнами и над морем,
Над скалами, вдалеке,
Всползая по желтому взгорью,
Извиваясь в песке,

Воздух, насыщенный зноем,
Струится, как серебряный мед.
Облачко, почти голубое
Над твоей головою цветет.

К еще живой ладони
Прилипла сухая земля.
Но скоро, ты знаешь, потонет
В море — душа твоя.

Много в жизни неправды, братья,
Много горя на земном берегу.
Твое последнее рукопожатье
В бедной памяти я сберегу.

Эта смерть — лишь одна из миллиона
И прекрасных, и страшных смертей.
Океанские волны с поклоном
В берег бьют у могилы твоей.

Отчего для страданья и боли
Нам нетрудно слова находить?
Отчего только в жесткой неволе
Мы умеем гореть и любить?

Чем прозрачней мерцающий воздух,
Невесомей небес глубина,
Чем доступней и радостней отдых
И торжественнее тишина,

И чем ангелы реют прелестней,
Точно ласточки — в синей дали,
Тем печальней телесные песни
И беспомощней голос земли.

ДУШЕ БЫЛ ТЕСЕН МИР...

1

Душе был тесен мир телесный
И горек времени поток,
И призрак музыки небесной
Ее как дымом обволож.

Не для нее земля сияла
И бедным голосом звала —
Глаза ей солнце застилало
И заглушала песни мгла.

Здесь жизнь казалась ей молчаньем,
Существованье — ремеслом.
Туда, — наперекор страданью,
Туда, — в тот невозвратный дом...

И, брезгуя земною скукой,
Разлукой до краев полна,
Она дышала нежной мукой
Ей — *там* — приснившегося сна.

Но света не поймали руки
И в углой памяти ночной
Лишь бархатные тени звуков
Скользили смутной чередой.

Очарование — крылато,
Еще воздушнее — звезда
И человеку нет возврата
В недостижимое — *туда*.

2

Здесь, на краю большой равнины,
На перекрестке двух дорог,
Стояли серые осины,
Прикрыв стволами узкий лог.

И одинокая береза,
Под ветром ветви наклона,
Роняла золотые слезы,
Сухие капельки огня.

Вдали, над синею ступенью
Лесов, мучительно легла
На небо — безглагольной тенью —
Испепеляющая мгла.

И медленно плывущий вечер
Росою падал на поля.
Со страхом неизбежной встречи
Ждала покорная земля.

И темнорыжий бархат пахот,
Полоска серая межи
И облаков горящий яхонт,
И острокрылые стрижи,

И даже колеи дороги,
И на дороге каждый след, —
Дышали стужею тревоги
И воздухом грядущих бед.

3

Они всползли на тот пригорок,
Моторным голосом рыча,
Где древнего стоит собора
Недогоревшая свеча.

Тупые дула наклоняя,
Они заспорили в упор
И орудийным, гулким лаем
Наполнился ночной простор.

Полнеба схвачено пожаром,
Среди багровочерных туч
Скользит беспомощно и даром
Прожектора упрямый луч.

Земля, истерзанная боем,
Ты черным страхом проросла,
Ты приняла тела героев
И трупы трусов приняла.

Земля концлагерей и тюрем,
И пыток, и любви, и мук —
Глаза я больше не зажмурю,
Вступая в твой жестокий круг.

И среди пожаров, дыма, пепла
Советских мертвых деревень
Языческой любовью крепок
Мой новый, мой грядущий день.

1946 г.

Солнце зашло за высокую крышу.
Синяя тень заполняет углы.
Я скоро сквозь шумы дневные услышу
Как вечер ворочает глыбами мглы.

Этот бедный, подчищенный парк и поляна,
Там, где дети играют, из школы идя —
Все стало обычным и было мне странно,
Что здесь провели их, к расстрелу ведя.

Здесь вот, у этой кирпичной ограды,
Для них на рассвете закат наступил
И вечер несрочный прохладой отрадной,
Словно могильной плитой, глаза им закрыл.

СОЗВЕЗДИЕ БОЛЬШОЙ МЕДВЕДИЦЫ

Есть слово — оно недоступно для слуха —
Ведь звука глухому нельзя объяснить:
Напрасно старается мертвое ухо
Ему непонятную жизнь уловить.

Беззвучное солнце на небе сияет,
Беззвучно дожди орошают поля,
Беззвучные птицы, как тени, летают
И плоскою кажется наша земля.

Но тот, кто уловит в огромном молчаньи,
Сквозь занавес черной своей глухоты,
Твое ветровое, родное дыханье,
Услышит, как песнями молишься ты,

Тому это слово — Россия — откроет
Тот мир напряженной и светлой борьбы,
То небо — высокое и роковое —
Где светит созвездие русской судьбы.

Я вышел из лесу. Туман
Белел в излучине оврага,
И, продираясь сквозь бурьян,
Скрипя, тащилась колымага.

Увидел я глазами скрип.
Он был почти-что осязаем:
Его томительный изгиб
Повис над тем небритым краем

Земли, где на жнивье пустом
Сидели вороны, где тучи
Неслись беззвучным табуном
И где стога ползли по круче.

Но сердце было так полно
Твоим дыханием, Россия,
Таким огнем озарено,
Такие солнца потайные

Горели в нем, что я не мог
Моей любви противоречить,
Что каждый куст и каждый стог
Я возмечтал очеловечить.

В самый полдень глуше звуки зноя:
Чуть шуршит сухая тишина.
Даже синева над головою
Раскаленной тяжестью полна.

По дороге пыльной, длинной-длинной,
Осторожно выбирая путь,
Медный жук меж комьев серой глины
Двигается, не смея отдохнуть.

Отраженье света — белый шарик
Катит он, старательно тудясь:
Медный жук, бессмертный пролетарий,
Превративший в солнце нашу грязь.

Душный полдень. Ветер пылью веет.
Еле слышен комариный гуд.
Золотая слава скарабея —
Испытанье и награда — труд.

ПРИГОРОД

А. Кафьян

COLOMBES-SUR-SEINE

Даже голуби здесь не воркуют.
Около каменных тумб
Каравеллу свою ночную
Не причаливал Колумб.

Так за что же такое имя
Этот пригород получил?
Он потонет в черном дыме,
Оплывет, как огарок свечи.

Но когда будет позван Богом
Голубь-пригород на Страшный Суд,
Ему все же простится много
За наш человеческий груд.

И если в белом его опереньи
Все же черное блеснет перо —
Это наша усталость, наше сомненье,
Наше неверье в Божье добро.

МУСОРНЫЙ ПРОСТОР

На западе, по краю небосвода
Ползет уныло серый сгусток мглы.
Торчит меж голых грядок огорода
Засохший тополь, как скелет метлы.

Гнилую даль густым фабричным дымом,
Как серым саваном заволокло.
Лишь на стене кирпичной еле зримо
Поблескивает битое стекло.

Здрав, как лапы, желтые колеса,
Лежит в канаве сломанный возок, —
Покрыли капельки росы белесой
Его заржавленный, дырявый бок.

Как все мертво в моем невзрачном мире,
Как крепко приросла к земле тоска,
Как разливается все шире, шире
Туманной мглы бездонная река!

И все же сердцу бесконечно любы
Канавы, покосившийся забор,
Фабричные, мучительные трубы
И этот страшный, мусорный простор.

НА БЕРЕГУ РЕКИ

В излучине реки, где берег низкий
Как бы раздавлен черным сапогом,
Две серых баржи ветер крепко стиснул,
Обтрепанный канат скрутив жгутом.

Чуть всхлипывает рябь. К покатым доскам
Прилипло маслянистое пятно
И медленно плывет по волнам плоским
Из-за мыска — тяжелое бревно.

На западе, чуть отражаясь в луже,
Чуть золотя далекой крыши скат,
Горит в оковах облаков и стужи
Безрадостный, бессолнечный закат.

И в этом жестком, диком полусвете,
Раздвинув палками сухой тростник,
Игрушечный корабль пускают дети
И точно музыка — их одинокий крик.

СТАРУХА

Там, где спускается слепой пустырь
В овраг, размытый зимними дождями,
Запятнана во всю косую ширь
Земля одноэтажными домами.

По длинной улице понурый воз
Расхлябанная кляча еле тянет.
Забор и за забором кустик роз
От духоты и пыльной скуки вянет.

Лежит в углу железный, ржавый лом,
Как первозданный хаос непонятен,
И кажется, что в небе голубом
Не облака, а груда серых пятен.

Внизу, в окне, за кружевным цветком
Черней земли сидит, сидит старуха,
А время пробирается ползком
Вдоль по заборам, медленно и глухо.

Напротив, через улицу, трактир.
Хрипя гнусавит голос грамфонный.
Как для нее прекрасен этот мир
— Таинственный, мечтательный, бездонный!

БУМАЖНЫЙ ЗМЕЙ

Рябой пустырь. Колдобины и ямы
Покрыты рыжею щетиной трав,
Продольные, уродливые шрамы
Давно зарубцевавшихся канав.

По краю поля, вдоль стены завода
Облупленной, огромной и глухой
Суставы серого водопровода
Лежат в кустах бетонною змеей.

Пестреют острые курганы щебня,
Чертополох, сиреневый цветет
И облаков взъерошенные гребни
Холодный ветер по небу несет.

Мальчишка полон радостной тревоги:
Вот-вот и полетел бумажный змей,
По ветру распустив свой хвост убогий,
Над черной паутиною ветвей.

Его влечет неведомая сила,
Далекая все ближе синева,
Но к злой земле навеки прикрепила
Бескрылый змей тугая бичева.

ПЕРЕД РАБОТОЙ

Фонарь погас под черным колпаком.
Желтеет медленно восток нечистый.
Как тени серых птиц летят гуськом
По улице — — велосипедисты.

Два страшных битюга по мостовой
Едва ползут, как рыжие драконы,
И поднимают грохот жестяной
Тяжелые, молочные бидоны.

На темном перекрестке, на углу,
Кафе скрипит податливою дверью
И точно в рай, в прокуренную мглу,
Спешит войти продрогший подмастерье.

За цинковую стойкой половой
Перетирает грязные стаканы
И в зале крепко спит бильярд большой
Как саркофаг угрюмо-бездыханный.

Но вот уже как бы из недр земли
Гудит завод и страшен голос темный
И точно серый зверь встает в пыли
Рабочий день, лохматый и огромный.

ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ

С утра все тот же деревянный стук
По выбоинам каменной панели.
Как стоя мух за звуком липнет звук
На клейкий лист заспавшейся постели.

О, как однообразны башмаки,
Как злы и одинаковы походки, —
Еще, еще — и вот стучат виски
Отчетливо, настойчиво и четко.

Вдали, вздохнув, тяжелый грузовик
Загрохотал расхлябанным мотором
И непонятный, дребезжащий блик
Скользнул уныло по линялым шторам.

За окнами холодный месяц март
Стучит по улице дождем угрюмым, —
Как будто старую колоду карт
Мой слух перетасовывает шумы.

Во мгле, стальную надрывая грудь,
Протяжно взвизгнул паровоз усталый:
О, как тяжел его железный путь,
Как сучен путь по бесконечным шпалам!

ПОСЛЕ РАБОТЫ

Не кровь — свинец в моем усталом теле
 По тесным жилам медленно течет.
 Не ночь, а боль меня к моей постели,
 К небытию — настойчиво зовет.

Вот навзничь, так, крестом раскинув руки.
 Темнеет день в прищуренном окне
 И гонит ветерок ночные звуки
 Сквозь створки окон на кровать ко мне.

За черным силуэтом богадельни,
 На западе, в жестоких складках туч
 Горит последний, слабый и бесцельный,
 Как я уставший от работы луч.

Внизу, в бистро́, старик считает сдачу
 — О, если бы еще он выпить мог! —
 И смотрит искоса, как тащит кляча
 С погоста — злую тень поджарых дрог.

За этот день, за фабрику, усталость,
 За старика, за черную зарю,
 За то что мне еще доступна жалость,
 За жизнь, — Тебя, Господь, благодарю.

1940 г.

ВАРЬЯЦИИ

1

Где стол был яств -- там гроб стоит.

Г. Д е р ж а в и н.

Одета инеем и синим льдом
Казанского собора колоннада.
Прикинулась гранитным пауком
Безглазая и жадная громада.

За Волгою гуляет Пугачев
И белые, дворянские усадьбы
Среди пунцовых, тающих снегов
В ночи справляют огненные свадьбы.

На берегу Невы, в дворцовой мгле
Томятся свечи, слуги и мундиры.
«Где стол был яств» — и вот уж на столе
Лежит безмолвный председатель пира.

«Где стол был яств» — слова, слова, слова.
В ночи скрежещет дверь на петлях ржавых
И желтая как воск растет трава
В обледенелом капище державы.

Протяжно воев колокола медь.
Друг с другом круглые враждуют звуки.
Немыслимо дыханием согреть
Мертвеющие, старческие руки.

Паросский мрамор замертво лежит
На глинистой земле глухого парка.
Кто Делию воздушную лишит
Прекрасного и светлого подарка?

2

...Но лишь божественный глагол...

А. П у ш к и н.

Над стогами ночного града,
В величелпной тишине,
Сияет лунная прохлада
И звезды блещут в вышине.

Беззвучно лапу поднимает
На пьедестале призрак льва.
Ковром серебряным мерцает
Самодержавная Нева.

Стихов прозрачных бормотанье
И пахнет миртами гранит.
Уже на первое свиданье
К поэту Делия спешит.

И вдруг божественный глагол,
Торжественный и величавый
Луной посеребрённый дол
Обжег невыносимой славой.

Пророческая ночь гремит,
Крылами ангелов трепещет
И голос Пушкина звучит
Во тьме таинственной и вёщей.

3

Да кряж другой мне будет плодоносен!
И вот ему несет рука моя
Зародыши дубов, елей и сосен.

Е. Б а р а т ы н с к и й.

Вы сохранили, мудрые дубы,
Его стихов необщий отпечаток,
Дыхание высокой ворожбы
И мыслей человеческих достаток.

Когда горячий воздух знойно-тих
И дремлет тень в аллеях синих парка,
Ваш лист узорчатый, как жесткий стих
Сверкает и таинственно и ярко.

И чем настойчивей осенний хлад
Свершает предрассветные набеги,
Тем звонче и торжественней горят
Полуистлевшие слова элегий.

4

Из пламя и света
Рожденное слово.

М. Л е р м о н т о в.

Человек боится звуков,
Музыки нездешних слов.
Для него родная скука
Слаще безотчетных снов.

Он живет в своем жилище
Замыкая тесный круг,
Охраняя плоский, нищий
И понятный жизни стук.

Но когда, как некий демон,
Принесет ему поэт
Бархатный огонь поэмы,
В звуки воплощенный свет,
Он тогда в летучем слове,
Сквозь земную дребедень
Голубого неба ловит
Ослепительную тень,
Он бежит в ночные рощи,
В бесконечные поля,
Где внимая звездам ропщет
Обреченная земля,
Где плывут, страшась неволи,
По холодным небесам,
Без страдания и боли —
Неземные голоса.

5

...О Ночь, Ночь, где твои покровы?
Ф. Т ю т ч е в.

Как двойственны в душе моей
Живой природы отраженья:
Чем мрак неистовый страшней,
Чем ночь и глубже и темней,
— Тем бескорыстней озаренье.

Когда же сквозь лучистый мир
Взлетает в небо с восклицаньем
Кудрявым мальчиком зефир —
Стою беспомощен и сир
Перед дневным очарованьем.

6

Путь степной без конца, без исхода,
Степь да ветер, да ветер и вдруг...

А. Б л о к.

Синий дым над твоими степями,
Черный ветер свистит вдалеке
И полощет советское знамя
Темнокрасные крылья в реке.

Ветер клонит плакучие ивы,
Над пожарами пепел несет,
Стережет безглагольные нивы
Точно чудище — мертвый завод.

Заросли повиликой и мятой
Проржавелые ребра стропил
И похожи стальные канаты
На узлы перекрученных жил.

И ползет — над степями, песками,
Через гнезда пустых деревень,
Точно синее, жидкое пламя,
Облаков молчаливая тень.

Лишь лохмотьями тело прикрыто,
Но как только приложишь ладонь —
Ты поймешь тот глубокий, сокрытый,
Животворный и нежный огонь.

Высоко — выше славы и счастья,
И бессмертней, чем небо и ад,
Непорочной, языческой страстью
Лебединые трубы гремят.

7

Как мог я подумать, что ты
возвратишься, как смел...

О. М а н д е л ь ш т а м.

Перед зеркалом черные косы расчешет Рахиль.
То, что сказано в Библии — нет, никогда не
свершится.

На закате, вдаль, над пустою дорогою пыль
Как прозрачная, желтая роза горит и клубится.

Все исчезнет. Рассыплется роза и только гармонь
В темнорозовом воздухе будет смеяться и плакать.
Ты к далекому небу протянешь сухую ладонь
И в ладони твоей зашевелится горсточка мрака.

Расплели и остригли. На сером струятся полу
Неживые, но все еще теплые, черные косы
И впиваются в то, что распластано в грязном углу,
Голубые глаза, как несносные, жадные осы.

Не исполнится то, что предсказывал миру пророк:
Оказалось, что правду одна лишь Кассандра узнала,
Оказалось, что жизнь — это только сыпучий песок,
Тот, с которым в саду перед домом ты в детстве
играла.

И за то, что вот ты никогда не вернешься назад,
Не пойдешь за околицу слушать солдатские песни,
Мы не смеем на небо глядеть, — в этот страшный
закат,
В этот мир, окружающий нас тяготою телесной.

В ПОИСКАХ ВЫСОКОЙ ПЕСНИ...

1

Подыши еще немного
Сладким воздухом земли.

Ф. С о л о г у б.

В поисках высокой песни,
Полон призраками слов,
Прожил я мой век телесный
Точно тысячу веков.

Холодеющие губы
Тронул поцелуем сон.
Возникает в темной глуби
Бархатный и теплый звон,

И ко мне из ниоткуда
Долгожданных звуков рой
Прилетает нежным чудом,
Гармонической игрой.

Новой истиною полный
Я живу и не живу,
Я сквозь бархатные волны
В даль бессмертную плыву.

По полю бежит дорога.
Ничего не надо знать.
Я-б хотел еще немного
Этой жизнью подышать,

Этим воздухом и зноем,
Запахом цветущей ржи,
Этим радостным покоем
Отдыхающей межи.

И когда над головою
Пронесутся журавли,
Прикоснуться всей душою
К голосам моей земли,

И, насытись всем прекрасным,
Всем сиянием земным, —
Раствориться в небе ясном,
Точно окрыленный дым.

ПРОГУЛКА С ДРУГОМ

Н. Д. Татищеву

1

Медлительно течет таинственная Сена.
Повисли над водой упругие мосты.
Бросают волны на глухие стены
Дрожащие, прозрачные цветы.

Упорный рыболов закинул очень ловко
Сверкнувшую огнем, юрчущую лесу
И вновь с невозмутимой сноровкой
Удилище он держит навесу.

Из-под моста, с трудом, пыхтя трубой как трубкой,
Шаланды вытащил большой буксирный жук.
Лохматый капитан в стеклянной рубке
Руля не смеет выпустить из рук.

Париж сегодня тих, как пьяница заправский:
Раскаянье его настойчиво гнетет.
Вот в этом доме жил Борис Поплавский
И для меня он все еще живет.

Мы вышли вместе. Об руку рука —
Так со строкою связана строка,

Не только рифмою, не только тем,
Что всем понятно и доступно всем.

Взобрались фонари на черный мост
И ночь во весь свой исполинский рост

Стояла прислонясь к большой стене,
И Генрих спал на бронзовом коне.

Казался город горьким и простым,
Как будто он не может быть иным,

Как будто все что видим, — так и есть:
Ночь, статуя и лужи плоской жуть,

И даже наша тень, — двойной урод
Застывший на панели у ворот.

3

Рассвет скользил по сваям длинной башни,
Ступая со ступеньки на ступень.
Он вытеснял с упорством день вчерашний
Во мгле выкраивая новый день.

Рассвет был желт, желтей лимонной корки.
Он лезвием холодного луча
Раздвинул серых туч стальные створки
И окна жидким блеском отмечал.

Из-за угла Сосинский нам навстречу
Тащил портфель, как мученик грехи,
И голосом сказал он человечьим:
«Я Гингера в печать несущи стихи».

Портфель под мышкой крепко был привинчен.
Ты отвернулся и пробормотал
Как некий стих: «Сегодня умер Минчин,
Сегодня умер Минчин», ты сказал.

Мы скитались по пустым бульварам,
Башня уходила в синеву,
Нам платаны раздавали даром
Звонкую, горячую листву.

И один неосторожный листик
На моем улегся рукаве,
А другой, такой же золотистый,
Бабочкой растаял в синеве.

Ты с поклоном снял большую кепку,
С ним ты попрощался навсегда,
Руку сжал мне крепко, очень крепко,
Очень крепко, так как никогда,

И сказал, почти с каким-то стоном,
Точно обжигаясь на огне:
«Дико вскрикнет Черная Мадонна,
Руки разметав в смертельном сне».

...Дико вскрикнет... Ветер, снова черный ветер
Задует фонари.

Снова окаймленный жестким полусветом
Вход в подземный мир горит.

Не метро и не подвал кофейни жалкой
— Это желтый вход туда,
Где слепец, стуча по камням белой палкой,
Исчезает без следа.

Покрывают стены низких коридоров
Вверх и вниз, во все концы,
Мертвенным, геометрическим узором
Ледяные изразцы.

И как окна в ад, во мгле афиш квадраты
Полыхают и горят.
Милый, где ты, неужели нет возврата,
Где ты, где ты, милый брат?

СЕВЕРНЫЙ ЛЕС

1

Зимой здесь был тетеревиный ток.
Снег излучал таинственное пламя.
Поддерживали звездный потолок
Вершины сосен белыми ветвями.

Луна глядела с дымной высоты
Расширенным и неподвижным оком
Как распушив широкие хвосты
Токуют петухи в снегу глубоком.

И этот шум похожий на прибой,
Рассыпав брызги в воздухе морозном,
Звучал в огромной тишине ночной
Неукротимо, яростно и грозно.

2

Весной сходили медленно снега.
Одну и ту же голубую ноту
Вызванивала влажная тайга,
Вокруг корней выдалбливая соты.

Уйдя под наст, незримые ручьи
Как воробьи, звеня, перекликались
И щебеча крылатые лучи
В темнолиловых лужицах купались.

В свои права опять вступал апрель
С такою радостью, с таким волнением,
Что даже ночью звонкая капель
Не прекращала голубого пенья.

3

Хохлатый дятел старую сосну
Выстукивал, как доктор, осторожно.
Лесную, ласковую тишину
Он нарушал работою несложной.

Отчетливый, однообразный стук
Перекликался там, в ветвях сосновых,
С кукуканьем и каждый новый звук
Казался тайным и прекрасным словом.

В болотце, там, где ряска зеленил
Узором тонким и замысловатым
Брусничных кочек зябкий малахит,
Заливисто кричали лягушата.

4

А осень, — осенью нельзя без слез
Ни петь, ни верить, ни молиться.
Гляди — на плечи влажные берез
Уже легла, сверкая, багряница,

Уже наполнился густой туман
Шуршанием, чуть слышным, перелета,
Уже покрыл расшитый доломан
Листвы почти безмолвное болото.

И каждый звук, и каждый всплеск
До сердца Божьего легко доходит —
Ему понятней, чем весенний блеск,
Осеннее смирение природы.

Все молятся они, — из года в год,
Тетерева, капель, лягушки, дятел,
Все, все и даже пузыри болот
Как могут молятся Тебе, Создатель.

Куда как непонятны их слова,
Пернатые, лесные восклицанья,
Смешные звуки, слышные едва,
Которым нет на языке названья.

Ложится изморозь на серый мох,
Опавший лист по краю серебрится.
Закрой глаза. Вздохни. Пусть этот вздох
С лесными звуками соединится.

1947 г.

ЛЕСНОЙ ПОЖАР

В. Сосинскому

Прошла гроза. Слабеют спазмы гула.
Редееет дождь. Еще — последний стон,
Последний блеск — гроза лесистый склон
Наотмашь молниею полоснула.

Сперва пожолк один, случайный лист,
Потом другой. Взвился дымок спиральный
И вот пошел кружиться многожальный,
Вдоль по земле, драконий, острый свист.

Коробится кора, изнемогая,
Пылает рыжей ведьмою сосна,
Предсмертной судорогой сведена
Дугой согнулась ветвь еще живая.

Сквозь дым отточенное острие
То там, то здесь выбрасывает пламя.
Летают птицы черными кругами,
В беспмятстве к воде бежит зверье.

И лишь один огромный дуб — ожогов
И смерти не страшась, в дыму возник
И так стоит, — как некий еретик,
В последний миг уверовавший в Бога.

ИНЕЙ В ЛЕСУ

1

УПАВШИЙ ЛИСТ

Осенний вихрь им забавлялся вволю.
Теперь он спит в широкой колее.
Опушка. Осень. Под откосом — поле,
Пустое поле в темносерой мгле.

Уходит день. Над этим миром бранным
Повис, как облако, вороний грай.
Чуть тронут рыжей ржавчиной и тленом
Листа надорванный, зубчатый край.

Покрыт откос нескошенной щетиной,
В траве змеится черный бурелом.
Еще вчера лесною балериной
Кружился лист в пространстве голубом.

Теперь он спит и венчиком смертельным
Вокруг него жемчужный иней лег.
И медленно ползет туман бесцельный
В холодный и глубокий, в черный лог.

ПИСЬМО

Еще в тени белеет тонкий иней,
Но на поляне он уже сожжен.
Все выше, выше, выше бледносиний,
Расчищенный ветрами небосклон.

Ты здесь прошла по изморози нежной
Под робкой тенью огненных берез,
Ты тронула податливый валежник
И он сияет в ореоле слез.

Твоих следов расплавился, растаял
Непрочный оттиск на дневном огне —
Теперь они подобно птичьей стае
Летят в необозримой вышине.

Счастливее я в этой жизни не был:
Беззвучен лес и воздух золотист,
И как письмо, мне посланное с неба,
К ногам, кружась, слетает желтый лист.

ЛЕСНОЙ ПРУД

Угрюмый пруд в лесной, суровой чаще
Покрыт опавшей, мертвою листвою.
Лишь иногда зрачек воды горящий
Блеснет меж листьев дымной глубиной.

Застыл, рожденный долгими ночами
Вдоль по краям зеленый, цепкий лед.
Все уже щель воды меж берегами,
Все тяжелей холодный сумрак вод.

Во влажной мгле, под зыбким покрывалом
Чешуйчатой, оранжевой листвы
Горят как слезы — тускло и устало
Слепые сгустки дальней синевы.

Но все упорней желтый ветер свищет
И все упрямее и злее рвет
Последнюю листву с деревьев нищих,
Все беспощадней нарастает лед.

Как этот пруд, так умирают звери:
Едва блеснет молящая слеза,
Как уж скрывает мрак стеклянно-серый
Внезапно помутневшие глаза.

СРУБЛЕННЫЙ ДУБ

Вот он упал, подмяв стволом орешник.
Уперлись ветки в темносерый мох.
Как мне забыть теперь его неспешный,
Мучительный, почти звериный вздох!

Вокруг ствола разбрызганные щепки
Как сгустки крови стынут на земле
И желтой древесины запах крепкий
Не может разойтись в вечерней мгле.

Как мертвый глаз, беспомощно и слепо
Глядит в родное небо круглый пень
И видит он глухие своды склепа,
Окаменевшую, ночную тень.

Шершавый ствол беззвучно умирает.
Как бабочки со сломанных ветвей
Последние листья кружась слетают
Падучей вереницею теней.

Когда под утро изморозью белой
Покроются усталые леса,
Древесная душа оставит тело
И медленно взлетит на небеса.

Весь день дождило. В октябре, порой,
Такая смутная случается погода:
Все в мире мерзко нам и в полумгле дневной
Никак не отличишь земли от небосвода.

И вдруг сквозь войлок темнорыжих туч
Прорвется яростный, восторженно блестящий,
Уже вечерний, но еще бессмертный луч
И желтый ствол сосны зажжет в беззвучной чаше.

Когда наступит срок и ты умрешь,
И, наконец, уйдешь — туда — ропща и плача,
Тогда узнаешь ты, что даже небо — ложь,
Что жизнь твоя была высокою удачей,

Что вот за этот желтый ствол сосны,
За этот луч — расплаты нет и быть не может,
Что сквозь небесные, безобразные сны
Тебя не перестанет жизнь тревожить.

Возьми прозрачный уголек,
С ладони на ладонь бросая осторожно
Смотри — уже он изнемог,
Уже дышать ему почти-что невозможно.

Уже покрылся пеплом он,
Как помутневший глаз свинцовой пеленою,
Уже к нему склонился сон
И окружил его прохладой nocturnoю.

Смотри — вот он уже потух,
Вот он рассыпался и стал летучим прахом
И тишиною озаренный слух
Внезапно поражен неотразимым страхом.

Погаснет слово, как огонь,
Оно рассыплется, как пепел — слог за слогом,
Но сохранит твоя ладонь
Воспоминанье золотистого ожога.

От слов не станет жизнь теплой:
Слова совсем беспомощны и шатки —
Они взлетят, как стая голубей
И, покружив, вернуться на площадку.

И, неуклюжие, опять,
С печальным и чуть слышным воркованьем
В сухой траве начнут искать
Им брошенное пропитанье.

Но вот автобус заревет,
Иль резко городскую чертовщину
Как плоским выстрелом, хлестнет
Внезапно лопнувшая шина,

И в этой жизни злая дурь
Уже внизу бездействует и снова
Летит в отвесную лазурь
С крылатым шорохом живое слово.

Трепеща обрывается звук
И становится белою тенью
И в ладони протянутых рук
Как пушинка: слетает мгновенье.

Боже мой — удержать бы, но нет —
Только память, о белом касаньи
Только тающий в воздухе след,
Не дыханье, а призрак дыханья.

Как сегодня земля хороша!
Стало небо вечернее синим
И ложится, дрожа и дыша,
На траву — тень высокой осины.

До чего же пленительна ночь!
Разве можно весну переспорить?
Даже волнам сегодня невмочь
В серебристом струиться просторе.

Разбросав зеркала на песке,
Море ловит в утихнувшей бездне
Угасающий там, вдалеке,
Упоительный отблеск созвездий.

И такой голубой холодок
Приникает и ластясь, и нежась,
Будто воздух — не воздух, — цветок,
Излучающий лунную свежесть.

Твое дыханье — кислород,
Совсем немного — углерода.
Так сделала сама природа
И тело так твоё живёт.

Обезоруживает счастье
Земное существо мое,
Когда прижму к щеке твоё
Продолговатое запястье

И слушаю — едва-едва
Там жилка маленькая бьётся.
Как у отверстия колодца
Закружится не голова,

А весь я ухожу в круженье,
Весь в воздух превращаюсь я
И чувствую — я жизнь твою,
Твое земное сновиденье.

Ты была — гимназическим балом,
Вальсом на звонком катке,
А порою ты просто бывала
Снегом в горячей руке.

Ты была — воробьиною песней,
Лужицей голубой,
Чир-чириканьем солнца прелестным,
Звоном капли ночной,

Ты была, — о, забытый учебник,
Двойка у классной доски, —
Как потом отражались волшебю
В глади речной тростники!

Ты была — торопливым закатом,
Первой, вечерней звездой,
Темносиним грозовым раскатом,
Капелькою дождевой, —

Ведь не даром в саду, на отлете,
Издавна, из году в год,
Белой ночью в душистой дремоте
Старая липа цветет.

В воду шлепнулась лягушка
Тяжело.

Гонит золотую стружку
Гибкое весло.

Лиры медные уключин
Чуть скрипят.
На корме змеею скручен
Сохнувший канат.

Быстро крутятся воронки
За кормой.
Паутины провод тонкий
Вьется сам собой.

Отражая неба своды,
Спит река.
Опусти запястье в воду,
Прямо в облака,

Зачерпни немного неба
Ты в ладонь...
Этот день, — он был иль не был,
Но его не тронь!

Я без тебя и жить не помышляю.
Вот, говорят, на Марсе есть цветы.
Что-ж из того? Быть может есть, не знаю,
Но тех цветов ведь не касалась ты.

И если мне нельзя с тобой встречаться,
То, милая, хотел бы трогать я
Лишь то, чего порой могли касаться
Твои глаза, душа, рука твоя.

А если поселюсь я после смерти
На Марсе, там, в пространстве мировом,
То и тогда рука моя начертит
Твое лицо на камне неземном, —

И вот, — преобразится красный камень,
Ромашки вырастут, как на земле,
И станет Марсом шар земной — над нами
Кружащийся и тающий во мгле.

Скале никак не свойственно дыханье
И дереву не выразить себя,
Но есть, должно быть, друг мой, у тебя
Совсем особое очарованье:

Скала как будто спит, а между тем
Шершавый склон росой любви осыпан,
Летит, без ветра, с веток старой липы
Душистый рой воздушных диадем.

И эти лепестки, и эти росы,
И кружатся и вьются над тобой,
И осыпают влажной бирюзой
Извивы кос твоих темноволосых.

И где-б ты ни прошла, каких камней,
Каких деревьев платьем ни коснулась, —
Глядишь — и вся природа встрепенулась
От ласки неожиданной твоей.

Дождь отшумел. Ты окна отворила.
Легла на мокрый гравий тень твоя,
И желтое сиянье открыло
Ее совсем непрочные края.

Пахнуло из лесу прохладной прелью.
Вошла в распахнутый квадрат окна,
Без спросу, следом за ночной капелью
И воцарилась в комнате весна.

Твоих, мой друг, одно иль два движенья
И снова желтый гравий чист и пуст,
Лишь в глубине, в сиреневом цветенье,
В душистых жемчугах, — горящий куст...

Полынью теплой пахнут камни. Зной
Покинуть нас не хочет даже ночью.
Тень от большой луны крылом сорочьим
Шевелится на просеке пустой.

Не уследить полета черной мыши
И лунный свет никак не сжать в руках;
Не облако, а серебристый прах
Над головою тусклый вихрь колышет.

Как смутно все! Как знойный ветер жгуч!
Каким глухим, неистовым смятеньем
Полна душа! Как с этой острой тенью
Слился почти такой же острый луч!

Как этот матовый кусок стекла
Морским прибором ровно отшлифован!
Как счастлив я, как рад и как взволнован,
Что ты его среди камней нашла!

Закрой ладонь, как раковину. В ней
Твоим живым дыханием согретый
Он станет сгустком розового света,
Почти воздушным узелком лучей.

Я в раковину этих бедных строк
Вложил мое единственное слово.
Найди, найди его — ужели снова
Оно тебе, как прежде, невдомек.

Как приголубить, приручить,
Как совладать с твоею тенью?
Как мне ее не ушибить
Моим беспомощным волнением?

Как маленький кусочек льда,
Чуть остудив ночные руки,
Она растает без следа
В белесом омуте разлуки.

И я весь день несу в себе,
Смущен моим дневным незнаньем, —
О нет, не память о тебе,
А только боль негодованья.

С моим простым и очевидным телом
Я в праве делать все, что я хочу:
Уйти из жизни очень пошеделым
Иль сжечь его, как тонкую свечу.

А так как я люблю земли отраду
И ласточек, и ветер, и весну,
Господь меня из голубого сада
Не слишком скоро позовет ко сну.

И душу, мне одолженную Богом
На милый срок, пока я буду жить,
Я пронесу по всем земным дорогам
И постараюсь чистой возвратить.

Пускай она, насытясь щебетаньем
И воздухом, и солнцем, и тобой,
Останется живым воспоминаньем
Всей ясности и прелести земной.

Она еще кому-нибудь послужит
И тот, далекий, кем не буду я,
В своей душе внезапно обнаружит
То, чем жила в веках душа моя.

Проехало большое колесо,
Чуть не коснувшись оболочки хрупкой.
Он замер — будто вовсе невесом, —
Не жук, а просто полая скорлупка.

Когда отъехал воз и поводырь,
Казавшийся тяжелым великаном,
Ушел, и стала вновь степная ширь
Щебечущим и звонким океаном,

Он лег на глянцевитое брюшко,
Из черного футляра вынул крылья,
Жужжа пустил завод и так легко
Забыл свое минутное бессилье!

С. Луцкому

Шагает рядом голубая тень,
Вкруг головы росистый нимб мерцает.
В канаву обвалившийся плетень
В репейниках лиловых утопает.

Вот, ласково шурша, навстречу мне
Огромный воз ползет с лохматым сеном
И облачко в бессмертной вышине
Из тленного становится нетленным,

Вот ласточки серебряная грудь
Чуть не коснулась пыли придорожной...
Подумать только, что когда-нибудь
И я уйду... Нет, это невозможно!

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

На ветке, вытянутой как рука,
Которая не встретила рукопожатья,
Которая качается слегка,
Слегка шурша сквозным, темнозеленым платьем,

Повисли капельки, как бахрома,
Дрожащие, сияющие, неземные,
Как будто дождь, весенний аромат
Сгустив, преобразил в сережки золотые.

Набухнет капля и летит стремглав
Падучею звездой, внезапно исчезая
В бездонности дождем примятых трав,
А там за ней уже торопится другая,

Оторванная солнечным лучем,
Она сквозь луч, сквозь темножелтый луч. заката,
Едва мелькнет и радужным огнем
Уже не капля та, а вся душа объята.

А. Присмановой

Стоит, подрагивая рыжей шерстью,
Большая лошадь. На ремне кузнец
Высоко подтянул раструб копыта
И вот стальные челюсти клещей

Срывают старую подкову. Лошадь,
Продолговатый череп опустив,
Хвостом сгоняет мух, а подмастерье
Мехами раздувает черный горн.

Еще мгновение и фейерверком
Взлетит огонь в широкотрубный мрак.
А там, в окне, закат высокий меркнет
И приближается большая ночь.

Последний луч заглянет на задворок
Где воробьи купаются в пыли...
О, Господи! Как бесконечно дорог
Простому сердцу трудный быт земли!

Ты слышишь глухое
Вдали бормотанье —
Ночного прибоя
С землей — пререканье.

На плоские скалы,
Как волны тумана,
Ложатся устало
Слова океана:

«Что было, что будет,
Чем сердце горело,
Все скоро забудет
Ненужное тело.

И отдых беззвездный
Тебя успокоит,
Прохладною бездной
Навеки укроет».

Но сердцу дороже
Страданье земное,
Но сердце не может
Поверить покою.

Я жду, я тоскую,
Я морю не внемлю,
Ночную, родную,
Печальную землю

Я глажу рукою
С такою любовью,
Как будто одною
Мы связаны кровью.

Когда лиловеют вершины
И гаснут снега вдалеке,
И вечер по склону долины
Спускается к белой реке,

Когда на высоком откосе
Как в зеркале тает закат
И росы на рыжем покосе
Как звуки горят и звенят,

Когда на уступе высоком
Сквозь лапы еловых ветвей
Блестит деревеньки далекой
Созвездие зыбких огней, —

Душа поневоле трепещет
И все же не справиться ей
С дыханьем угрюмым и вещим,
С убийственной жизнью своей.

Блаженны все те, кто не знает.
Ты слышишь — кузнечик звенит,
Летучая мышь пролетает
И птица ночная кричит.

Вот ночь окно открыла и вошла
И, обойдя всю комнату, присела
На стул в углу, и смотрит из угла,
И комната уже похолодела.

Как будто вырезан из жести взгляд —
Не дрогнет он, сухой, упрямый, плоский.
О, до чего безжизненно блестят
При лампе стен обструганные доски!

Чернеет крепко вбитый в стену гвоздь,
Бросая тень — с непостижимой злостью,
Как будто тень — уже не тень, а трость
И ночь меня, сейчас, ударит тростью.

Вот если-б вырвать эту трость из рук
И завизжать, завывать, накуролесить,
На этот гвоздь, на этот крепкий крюк,
Нет, не себя, а мой пиджак повесить!

Поздней осенью время гораздо слышнее:
В сучьях берез и дубов не оно ли шумит?
Солнце еще не зашло, но уже вечереет,
Облако в небе плывет, но оно уже спит.

Глухо стучит равномерный топор дровосека.
Вскорости, может быть завтра, начнутся дожди.
Может быть завтра в лесу и в груди человека
Сердце уснет и останется жизнь позади.

Падают листья — им велено осенью падать.
Жизнь уменьшается с каждым слетевшим листом.
Может быть это последняя в мире отрада
Время услышать, — кто знает, что будет потом.

В лесу редуют золотые звуки,
Их точит тусклой ржавчиной туман.
В такие дни подумай о разлуке,
Прислушайся — поет лесной орган.

Неполон звук, как будто укорочен, —
Его осенний стиснул холодок,
Как оболочка куколки непрочен,
Не звук уже, не лист и не цветок.

Но в этом странном, тусклом шелестеньи
Быть может все таки уловишь ты
Все то, что было солнцем, ветром, пеньем,
Что на землю слетало с высоты,

Все, что струилось знойным водопадом,
Что падало, сверкая и звеня,
И что теперь, вот здесь, с тобою рядом,
Лежит сухою корочкой огня.

*

В изложине чуть слышен голосок
Бегущего ручья и пахнет сеном,
И мошкеры прозрачный столб высок,
И скоро ночь наступит — непременно.

Уже косцы уходят по домам,
Поблескивают косы за плечами,
Стекая по натруженным плечам
К земле продолговатыми лучами.

Ты в скошенной волне травы найди
Чертополох — пушистый и лиловый,
В глаза, еще живые, погляди,
Как с другом попрощайся с ним и снова

Прислушайся к журчанию ручья.
Встает туман, сливаясь с мраком ночи.
Погасли туч пурпурные края
И стала жизнь — на день один — короче.

Уже в тени стволы берез и вязов,
И затянуло мглою круглый пруд,
Лишь на вершинах влажные топазы
Листвы осенней гаснут, но живут...

Еще! Непрочно краткое сиянье —
Ненадолго в воде отражены
Пронзительный кусочек мирозданья
И сломанная ветвь большой сосны.

А там, где тень легла бесповоротно
На плоский призрак водного стекла,
Обнажены широкие пустоты
И скал подводных длинные тела.

В зрачке пруда, расширенном и влажном,
Чуть отражаюсь я, а в глубине,
Меж гаснущими каплями пейзажа
Живет все то, что недоступно мне.

Так ночью бабочка стучит в стекло —
Настойчиво и без разумной цели,
Так в штиль волны пологое крыло
Передвигает гальку еле-еле.

Так, всхлипнув, радужные пузыри
Всплывают на поверхности болота,
Так на пороге утренней зари
Стучат шаги или скрипят ворота

И чуть шурша, и будто сам собой
Слетает лист, как желтый призрак звука...
Должно быть я вот так же в мир чужой
Стучусь чуть уловимой тенью стука.

Когда душа от тела отстранится,
Она еще огромных сорок дней
Никак не может перейти границы
Ее трудами вспаханных полей.

Еще шуршащие овсы не сжаты,
Еще ржаная дышет полоса,
Еще на фоне желтого заката
Как привидения плывут леса...

А между тем сквозь воск пустого тела,
Как дым пожара из щелей жилья,
Струится тлен и прах окостенелый
Живет — уже чужую жизнь тая.

Ей невдомек — бездомной невидимке —
Участнице работ, что кончен труд,
Что нет за нею больше недоимки,
Что без нее посеют и сожнут.

И сорок дней, огромных и бесстрастных,
Широких, как ворота в мир иной,
Ей суждено дышать простором ясным,
Всей невозвратной прелестью земной.

1950 г.

Где я кончаюсь? Там, куда рукой
Могу достать, хотя бы с напряженьем?
А как же мир, рожденный надо мной
И подо мной — моим воображеньем?

Иной звезды как будто вовсе нет:
Я выдумал ее, но призрак этот
Живее тех, чей темный полусвет
Не назовешь огнем, ни даже светом.

Что-ж из того, что каждый палец мой
Заканчивает розоватый ноготь, —
Ведь я могу сквозь тесный мир земной
И вовсе неземное тоже трогать.

Не трудно спичкою зажечь свечу,
Я справиться могу с недомоганьем,
И в силах я, когда я захочу,
Любую вещь обрадовать дыханьем,

Одушевить ее и вот, — спеша,
По своему, по птичьей зашебечет
И мне ответит — вещая душа
На русский звук моей тяжелой речи.

ВОСЬМИСТИШИЯ

Ты видишь — небо расцвело,
Бежит за окнами дорога,
Но вот ложится понемногу
Твое дыханье на стекло.

Вот так невольные мечты
Всю ясность жизни затуманят
И мир земной тебя обманет,
Едва его коснешься ты.

Как ящерица дышет тяжело,
Мучительно меж пальцами монны,
Но судорогой тело мне свело
И руки сделались чужими.

Оставь и не зови теперь меня:
Тебе, земной, я больше не отвечу —
Не знаю как, но превратился я
В того, кто вышел мне навстречу.

Бывает так — чуть слышно скрипнет дверь
Связующая нитка оборвется
Меж тем что было прежде и теперь —
И вот пойдет, завертится, начнется,

Все полетит в тартарары, к чертям.
Вскочил, бежишь, охвачен дрожью мелкой,
Спеша, рывком откроешь дверь, а там
Столовая — и на столе — тарелки.

Просеивает ночь в незримом сите звуки
И на землю летит уже не шум, а пыль, —
Но взвизгнет шинами автомобиль,
Иль поезд закричит на дальнем виадуке,

И я почувствую сквозь полусон
Что мир земной, увы, уже совсем непрочен,
Что он как яблоко, где много червоточин,
К высокой ветке еле прикреплен.

Как крепко стул стоит на четырех ногах,
А мне на двух стоять — уже куда труднее.
Трепещущим и мраморным крылом Психея
Сверкает и дрожит и бьется впопыхах.

Пыльца осыпалась и пестик набухает, —
Ведь даже смертный сон лишь разновидность сна,
Но как бы ни был прочен здешний мир, она,
Душа моя, о том едва-ль подозревает.

Мудрее всех прекрасных слов
Простое это слово — ожиданье:
Ведь состоят из четырех слогов —
Тобой еще неданное лобзанье,

Строка, которая придет ко мне
И будет лучшею моей строкою,
Тот день, когда в смертельной тишине
Я ту, — большую дверь — открою.

ДОЖДЬ НОЧЬЮ

Полна веселым шорохом дождинок
Тяжелым зноем пахнувшая мгла,
Спросонок кажется — со всех тычинок
Она пыльцу и влагу намела,

Она подбросила, как мяч, зарницу,
Прогрохотала вдалеке и вновь
Летит на запрокинутые лица
Как дождь, — с веселым шорохом — любовь!

Густая прядь скользнула вдоль щеки
К твоим губам, запачканным черникой,
Прозрачный луч вокруг твоей руки
Обвился золотою повиликой,

Среди кувшинок, в заводи ручья
Купалось облако в воде по пояс.
Нас было трое в мире — ты да я,
Да облако, — как ты и я — живое.

Я помню — неба синий водоем
И фейерверк, и круглый треск хлопушек,
На запрокинутом лице твоём
Коричневые звездочки веснушек,

Плакучий водопад ракетных слез,
Миндальный запах тающего дыма, —
Я все прекрасное с собой унес:
Как хорошо, что жизнь неповторима!

Сухая ветка слабо хрустнет под ногой
И снова, как вода, течет молчанье.
Оно полно, полно тобой, одной тобой,
Тобою, не пришедшей на свиданье.

Что из того, что не было тебя и нет?
Ты здесь, как бы ты ни была далече.
Проверь — и ты в душе своей увидишь след
Несостоявшейся, но бывшей встречи.

Туман рассеялся. Сгущаясь влага
Впитала солнца утреннего свет.
Лохматый склон глубокого оврага
Серебряными бусами одет.

Но ярче всех, подвешенная к ветке,
Любуясь собственной своей игрой,
Сияет паутиновая сетка,
    Воздушной ставшая звездой.

Речной паук, как будто на коньках,
Скользит, легко касаясь влаги плотной,
За ним летит вдоль заводи болотной
Листок ольхи на желтых парусах.

Полдневный зной совсем не говорлив,
Но к вечеру, от края и до края,
Все ширясь в тростниках и наростая,
Звонит лягушечий речитатив.

О. А.

Был вырезан ножом глубокий шрам
На темном серебре коры древесной:
Твоей начальной буквы круг чудесный
Отчетливый — наперекор годам.

По рытвинам коры остроконечным
Бежит большеголовый муравей,
Не зная в торопливости своей
О том, что круг был создан бесконечным.

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

Но все уже — непоправимо...
...Все брэнно, жалко и темно
И жизнь в словах невыразима...
Еще ничто не свершено,

Постой, мы проглядели жизнь. Ужель
Вседневное вокруг и возвращаться поздно?
И за окном, стрелой, кладбищенская ель
Одна, без нас стремится в воздух звездный?

Да жизнь темна, не так, как прежде —
Тебя воспоминания спасут:
Так в роще солнце обжигает вежды
Сквозь листьев шаткий изумруд.

Здесь был большой костер. В траве зеленой
Чернеет ровный круг — давным давно.
Как он пылал! В душе, во время оно,
Ты выжгла вот такое же пятно.

Как просто все и как непостижимо!
Свеча, перо, какой-нибудь предмет...
Казалось бы... И вдруг, неотвратимо,
Раскроет вещь себя — и смерти нет.

Не бойся встречной темноты —
Ее ты верно превозможешь:
Еще сиять не смеешь ты,
Но не гореть уже не можешь.

Душа молчит и ночь тиха,
Но даже спящих жизнь тревожит:
Чужого в мире нет греха,
Чужого счастья быть не может.

ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ

(П о э м а)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Ты город или городок,
Ты узловая станция — на запад,
На юг, на север, на восток
Тобою начинаются этапы.

Лучами рельс пронизаны поля —
Сужающееся сиянье,
Певучая, стальная колея:
«Мы уезжаем, до свиданья!»

Мы уезжаем и в окне
Струится как вода перрон вокзала,
Поток кончается, на дне
Лежат рядком, зарывшись в гальку, шпалы.

По этой лестнице — куда, куда?
Быть может попросту на небо,
Увозят пассажиров поезда
Полями зреющего хлеба,

Все ближе к солнцу. К сорока
Подтягивает красный столбик Цельсий,
Но не кончается строка
Под гулким поездом — певучей рельсы.

С размаху, вдруг, опустит семафор
Предупреждающую руку
И вот прислушивается простор
К изнемогающему звуку.

Кто знает на какой версте
Ненадолго остановилось сердце,
Но, пользуясь мгновеньем, степь
К нам входит, открывая настезь дверцу.

И вместо стукотни больших колес,
Скажи, что может быть чудесней?
Мы слышим — созревающий овес
Шуршащую заводит песню,

И золотом и серебром
Звенят-звенят кузнечики, и птицы
Кричат во ржи, и в небе голубом
С прозрачным плеском серый зной струится.

Но вот опять вздохнет локомотив
И в такт, с вагонами, все вместе
Они начнут выстукивать мотив
Дальнедорожных путешествий.

Все та же степь, но южный край
Ее уже по новому струится —
    Как будто небо, невзначай,
Не облаком задумало сгуститься,

А чем-то синим, плотным и тугим,
    Таким таинственно-глубоким,
Таким прохладно-синим и таким
    Непоправимо синеоким,

    Что сердце замедляет стук,
Как бы захлебываясь ожиданьем
    Того, что как большой недуг
Пронзает мукою и обаяньем,

Того, что морем называем мы.
    Сперва лиловою полоской
Над краем камышевой бахромы,
    Чуть затопляя берег плоский,

    Оно струится и потом,
Сгибая волн широкие завой,
    Шурша податливым песком,
К ногам бросает лепестки прибоя.

В предчувствии грозы — темней восток,
Темней, угрюмей, лиловее.
Покрылся коркой холода песок,
Но жар еще под коркой тлеет.

Вдали застыли облака,
Приплывшие — откуда неизвестно, —
Откуда-то издалека,
Флотилией тяжелой и чудесной.

Как броненосцы став на якоря,
Подняв над горизонтом днища,
Они кострами дымными горят,
А ветер, нарастая, свищет.

И вот, все море обыскав,
Срывая рубище соленой пены,
Он в низкий берег, свысока,
Бросает черных волн нагие стены.

Вдали, в дыму, в пожаре водяном,
Как будто радуясь пожару
Косым и острым чайжиным крылом
Белеет лермонтовский парус.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Ты город или городок,
Ты узловая станция. На запад,
На юг, на север, на восток
Тобою начинаются этапы.

Будильник отзвенел. Уже пора.
Мы скоро в новом направленьи
Покинем наше давнее «вчера»
И с радостью и с огорченьем.

Под утро воздух посвежел.
Темно, как в сорокаведерной бочке.
Но все же в щель видны уже
Столбы, дома, забор. Поодиночке

Они встают, еще темнее мглы,
На фоне узенькой полоски
Степной зари, упершейся в углы,
Раздвинувшей ночные доски.

С минутой каждой шире щель.
Уже досчатый мрак совсем изломан
И в щелках мглы, как колыбель,
Качается ангар аэродрома.

2

Уже дорожки старта больше нет,
Спускаются с ходуль заборы,
Проваливается за ними вслед
Земли непрочная опора.

И в нежном грохоте винтов,
Уже совсем переходящем в пенье,
Бесследно исчезает то,
Что было столь привычным — тяготенье.

Площадка вписана кружком в поля
И хордою — дорожка старта:
Все больше притворяется земля
Топографической картой.

Навстречу — в золоте парчи,
Как патриарх на паперть небосклона,
Выходит солнце и лучи
Благославляющи и благосклонны.

И вдруг, внизу, совсем заросший пруд
От тех лучей так вспыхнет щедро,
Как будто сквозь прозрачный изумруд
Земли просвечивают недра.

Темнеет неба синий шелк.
Лежит земля разорванной холстиной.
Сгоняет тучи дальний щелк
И блеск — молниевидной хворостиной.

Внизу гроза. Внизу дождливый день,
А здесь, в лазури величавой,
Крестом распластанная тень
Парит над бездною курчавой.

И с завитка на завиток
И с облака на облако взлетая,
Она за нами, на восток,
Скользит — прозрачная и голубая,

Пока средь крепко сбитых туч она
Зеленую не встретит прорубь,
В которой вся земля далекая видна.
Теряя нежную опору

Лучей и солнца, мы нырнем
Туда, на дно, за нашей теплой тенью,
С трудом проглатывая ком
Стремительно прекрасного паденья.

И вот видны уже — рукой подать —
Средь длинных, дождевых волокон,
Домов и узких улиц чехарда,
Чешуйки крыш и дыры окон,

Рекой плывущий пароход
И барж тяжелых полукруг широкий,
И обступившие завод
Фабричных труб высокие флагштоки.

Просвечивая кружевом стропил
И дымом небо искалечив,
Буграми мускулов, узлами жил
Прикрылись доменные печи.

И, пролетев вдоль пустырей,
Где собрана вся городская накипь,
Где всех гробниц еще мертвей
Насыпанные пирамиды шлака,

Идя на приземление, спешим
Еще раз насладиться ширью
И разглядеть, сквозь частый дождь и дым
Все то, что мы зовем — Сибирью.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Все то, что мы зовем — Сибирь,
Что сосчитать нельзя простой цифирью,
Что раздалось и вдаль и вширь,
И стало — самой необъятной ширью,
Где сколько-б городов ни строил человек,
Какие бы ни вырыл шахты,
Земля попрежнему, из века в век,
Зверьем и логовищем пахнет.

Лишь только за город — уже
Иного мира смольно-хвойный воздух,
Как будто бы стоишь на рубеже
Земли и трогаешь рукою звезды,
Как будто ласковый, церковный мрак
Играет приглушенным светом
И вьется, точно дым кадильный, мошкора
Под куполом широких веток.

Здесь каждая сибирская река
Покрыта тою самою кольчугой,
Которая для Ермака
Была его смертельною подругой.

На пятый день мы вышли на Tobол.
В ущельи тонкоствольных вязов
Его тугих и беспокойных волн
Блестели желтые топазы.

Мы сбили крепкий плот. Шесты
Нам весла заменили поначалу —
И вот прибрежные кусты
Уже отчалили и закачались.

Под вечер на плоту зажгли костер.
Багровый дым слился с закатом.
Темнели медленно лохматых гор
Доисторические скаты.

А ночь, упершись в берега,
Костер все яростнее обнимала.
Уже почти-что наугад
Нас быстрина клокочущая мчала.

И как бесплотно-звонкая звезда
Наш плот свистящим метеором
Летел, скользил и падал, в мрак, туда,
В размах сибирского простора.

Лежу и слушаю — уха
Забулькала в кастрюльке круглой
И надо бы подальше от греха:
Унять огонь, оставить только угли.

Но я никак не в силах всплыть со дна
Струящейся и теплой дремы —
Меня запеленала тишина
Широколиственного дома.

Закрыв глаза смотрю: в глуши
Лесной, скользя по краю ската,
Прозрачной палкой ворошит
Полдневный луч — валежник сыроватый;

Не слыша — слышу: комариный гуд,
Шмеля тяжелое гуденье
И знаю — встать пора, и не могу
Расстаться с полудремною бденьею.

Потом заслуженный упрек
Сглотнув, прикрывшись шуткой неудачной,
Себе в разбитый черепок
Налить нектар — душистый и прозрачный.

Русалки в синем море не живут,
 (Там — иностранные сирены)
 И водяные ночью не всплывут
 Над океанской горькой пеной.

Им нужно, чтобы каждый год
 Они могли дремать, прикрывшись илом,
 Чтоб рек тяжеловесный ход
 Зима на долгий срок остановила,

Чтоб в полночь мог усатый водяной
 Задать тебе такого страху,
 Что скажешь ты невольно — Боже мой,
 «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет».

И я-б хотел, — в последний срок,
 Когда все станет скучно или поздно,
 Чтобы меня на бережок
 Реки снесли под полог ночи звездной.

В последний раз я посмотрю кругом,
 Услышу плещущую воду,
 Перекрещусь трехперстно и потом
 Безропотно уйду в природу.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я никогда в Сибири не был,
Донских степей я тоже не видал
И даже в иностранном небе
На самолете вовсе не летал.

Того, чем я живу еще доселе,
Что мне дороже всех скорбей,
Увы, нет ни следа на самом деле
В пустынной памяти моей.

Да, всё, во что я крепко верил,
Ушами слышал, кожей осязал,
Чем насладиться в полной мере
Успели жадные мои глаза,

Все создано моим воображеньем
И тем огромным и простым,
Что я зову с невольным восхищеньем
Вторым дыханием моим.

И что бы жизнь ни говорила,
В какие б страны плакать ни звала,
Любовь свой выбор совершила
И по иному сделать не могла.

1948 г.

Я все прошу — и то, что непонятно,
И что темно, и что враждебно мне.
Я все отдам — свободу, доблесть, счастье,
Огромное наследие отцов.

Не затрудню тебя корыстной просьбой,
Усталый, отдыха не попрошу.
В твою судьбу моей упорной веры
Я никогда не изменю.

*“— Когда же ты забудешь о себе?
Мне твоего прощенья не надо.
Я есть и буду. Я твоя страна,
Твое единственное сердце.”*

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
Войною вытоптаный лес	5
ПОСЛЕ ВОИНЫ (3 стихотворения)	7
Над дюнами и над морем	10
Отчего для страданья и боли	11
ДУШЕ БЫЛ ТЕСЕН МИР (3 стихотворения)	12
Солнце зашло за высокую крышу	16
Созвездие Большой Медведицы	17
Я вышел из лесу	18
В самый полдень глуше звуки зноя	19
ПРИГОРОД (8 стихотворений)	20
ВАРЬЯЦИИ (7 стихотворений)	28
В ПОИСКАХ ВЫСОКОЙ ПЕСНИ (2 стихотворения) ..	36
ПРОГУЛКА С ДРУГОМ (5 стихотворений)	38
СЕВЕРНЫЙ ЛЕС (5 стихотворений)	43
Лесной пожар	47
ИНЕЙ В ЛЕСУ (4 стихотворения)	48
Весь день дождило. В октябре, порой	52
Возьми прозрачный уголек	53
От слов не станет жизнь теплей	54
Трепеща обрывается звук	55
До чего же пленительна ночь	56
Твое дыханье — кислород	57
Ты была — гимназическим балом	58
В воду шлепнулась лягушка	59
Я без тебя и жить не помышляю	60
Скале никак не свойственно дыханье	61
Дождь отшумел. Ты окна отворила	62
Польную теплой пахнут камни	63
Как этот матовый кусок стекла	64

Как приголубить, приручить	65
С моим простым и очевидным телом	66
Проехало большое колесо	67
Шагает рядом голубая тень	68
После дождя	69
Стоит подрагивая рыжей шерстью	70
Ты слышишь глухое	71
Когда лиловеют вершины	73
Вот ночь окно открыла и вошла	74
Поздней осенью время гораздо слышнее	75
В лесу редеют золотые звуки	76
Уже в тени стволы берез и вязов	77
В изложене чуть слышен голосок	78
Так ночью бабочка стучит в стекло	79
Когда душа от тела отстранится	80
Где я кончаюсь?	81
ВОСЬМИСТИШИЯ (13 стихотворений)	82
ЧЕТВЕРОСТИШИЯ (7 стихотворений)	89
ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ (поэма)	91
Я все прошу — и то что непонятно	106

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

С в и н ц о в ы й ч а с, стихи, изд. "4+1", 48 стр. Берлин, 1924 г.

Н е д у г б ы т и я, стихи, изд. "Стихотворение", 96 стр. Париж, 1928 г.

В о с с т а н и е з в е з д, поэма, изд. "Стихотворение", 48 стр. Париж, 1932 г.

Д е т с т в о (Повесть об отце), "Русские Записки", 265 стр. Париж, 1938 г.

В РУКОПИСИ:

Л е д, стихи, 70 стр. Париж, 1937 г.

О с т р о в, стихи, 76 стр. Париж, 1937 г.

С т и х и о Р о с с и и, стихи, 64 стр. Париж, 1937 г.

И с т о р и я о д н о г о п у т е ш е с т в и я, роман, 257 стр., остров Олерон, 1943 г.

Н а р у б е ж е, стихи, 80 стр. Париж, 1947 г.

Окончена печатанием
15 июня 1950 г.
в Париже
